

В.Л. Махлин (ИНИОН РАН, МПГУ; Москва, Россия)

«Творящее сознание»: Авторство Бахтина как проблема

1.Сегодня, сто лет спустя после того, как молодой М.М.Бахтин в Витебске взялся за осуществление своей научно-философской программы, – уместен вопрос: в чем собственно *уникальность* бахтинского наследия, точнее его – авторства?

В своем выступлении я попытаюсь прояснить *три* основополагающие и взаимосвязанные проблемы бахтинского авторства, которые, как мне кажется, позволяют поставить вопрос об относительной уникальности («единственности») его наследия в научной и духовно-идеологической культуре XX в.

Во-первых, прояснению подлежит одна из предсмертных записей М.М.Бахтина о фрагментарно развивавшемся в историческом времени *единстве «идеи»* (программы) его научно-философского авторства (6:431).

Во-вторых, важно показать, каким образом это «становящееся (развивающееся) единство», сложившееся в первый, Невельско-Витебский период творчества (1919-1923), подверглось вынужденной, но продуктивной трансформации: начиная с середины 1920-х и до середины 1970-х годов, Бахтин вышел за институционально-дискурсивные границы философии, при сохранении и даже развитии научно-философских оснований своего авторства, – переход, который, если не ошибаюсь, не имел и не имеет аналогов среди современников нашего автора ни в России, ни на Западе, но при этом совпадает по времени и смыслу с тем «переходом от мира науки к миру жизни» в самом научно-гуманитарном познании, о котором немецкий современник Г.-Г.Гадамер писал в своем опоздавшем на советский век обращении «К русским читателям» (1991).

В-третьих, наконец, «прерывистое и непрерывное» авторство Бахтина с самого начала ориентировано на то, что он называет в своей философской программе «абсолютным будущим». Эта христологически-достоевская

установка («Буди! буди!») принципиально отличает *межпредметный* проект Бахтина как от его модернистской современности, так и от «постмодернизаций» и «деконструкций» западных и постсоветских, самого бахтинского авторства, начиная с 1960-х годов и вплоть до сего дня.

Не удивительно, что для филологов Бахтин подчас слишком «философ», а для философов – слишком «литературовед» и филолог»; для западных гуманитариев он чересчур «русский», а для советских и постсоветских – чересчур «европеец». Онтологически-событийный *разрыв* между наследием русского мыслителя и ученого и осмыслением этого наследия, начиная с 1960-х годов ощущался почти с самого, но в новом столетии (после «бума») он стал заметнее и требует «нового начала» в подходе к самим проблемам не просто «наследия» Бахтина, но его понимания *авторства*.

2. В позитивной части своего выступления я пытаюсь в какой-то мере по-новому подступиться, во-первых, к проблеме *авторства* в понимании русского мыслителя и, во-вторых, к кардинальному вопросу бахтинистики: «Откуда взялся Бахтин?».

Проблема авторства, на наш взгляд, становится понятнее, если прояснить значение, которое русский мыслитель вкладывает в понятие *творящего сознания*: оно *не одиноко*, но опирается на «хоровую», или «внутренне социальную», *другость* сознания во всех областях «поступка» (в жизни, в искусстве, в науке) для того, чтобы вообще состояться. Отсюда в филологии и философии культуры Бахтина понятия «хронотоп», «жанр», «чужая речь» и т.п.

Вопрос «Откуда взялся Бахтин?» обсуждается с опорой на раннее (программное) понятие «событие бытия», на его коррелят «между» (Zwischen) и на специфически бахтинское словосочетание «социальная атмосфера», объективное, но не «объектное». Авторство русского мыслителя и ученого может быть понято как *единственное* только на фоне «столетнего десятилетия» 1914-1923 гг. и, шире, поворота в эти годы к «первой философии» нового типа, т.е. *между* Ясперсом и Ф.Розенцвейгом, Бубером и Хайдеггером, Р. Гвардини и О. Розенштоком-Хюсси, многими другими.

Поворот «от мира науки к миру жизни» Бахтин осуществил не потому, что упомянутые мыслители на него «влияли», а потому что общими были мыслительные предпосылки критики «всей идеологической культуры нового времени» (от позднего Шеллинга и Кьеркегора). Персональная и национальная уникальность Бахтина – в том, что невозможность, в советских условиях, быть «философом» парадоксальным образом сделала возможным осуществление его программного философского замысла (1919-1923) уже *за рамками философии*, но в пределах конкретных научных дисциплин – меж- или «постдисциплинарность», едва ли возможная на Западе даже в наше время.